

2.4. «Я советско-российский человек»: интервью И. Б. Фан с В. Д. Тхаем

Kim G. N. Ethnic entrepreneurship of Koreans in the USSR and post-Soviet Central Asia. V. R. F. Series, 445 (Febr.). Chiba, Japan : Inst. of Developing Economies, 2009. 95 p.

Libman A., Obydenkova A. V. Proletarian Internationalism in Action? Communist Legacies and Attitudes Towards Migrants in Russia // Problems of Post-Communism. 2020. Vol. 67. Iss. 4–5. P. 402–416.

Malakhov V. Why Tajiks Are (Not) Like Arabs: Central Asian Migration into Russia Against the Background of Maghreb Migration into France // Nationalities Papers. 2019. Vol. 47. Iss. 2. P. 310–324.

Park H. A House of Our Own: Diaspora Politics Among Koreans in the Russian Far East // The Asia Pacific J. of Anthropology. 2015. Vol. 16. Iss. 5. P. 431–447.

Ruget V., Usmanalieva B. Can smartphones empower labour migrants? The case of Kyrgyzstani migrants in Russia // Central Asian Survey. 2019. Vol. 38. Iss. 2. P. 165–180.

Thibault H. Labour migration, sex, and polygyny: negotiating patriarchy in Tajikistan // Ethnic and Racial Studies. 2018. Vol. 41. Iss. 15. P. 2809–2826.

Wada H. Koreans in the Soviet Far East, 1917–1937 // Koreans in the Soviet Union. Honolulu, HI : Center for Korean Studies, 1987. P. 24–59.

2.4. «Я советско-российский человек»: интервью И. Б. Фан с В. Д. Тхаем³

Валерий Дмитриевич Тхай (род. 12.11.1942) — известный специалист в сфере электрохимии расплавленных сред, доктор химических наук, профессор кафедры «Фармация и химия» Уральского государ-

³ Глава подготовлена при поддержке программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности», 2020–2022 гг. (проект «Общественное согласие в России и конструирование гражданской идентичности как способ его достижения», рук. акад. РАН В. Н. Руденко).

ственного медицинского университета. Дважды избирался членом Консультативного совета по мирному демократическому объединению Кореи, участвовал в работе Всемирного форума в Сеуле (Республика Корея). В настоящее время — заместитель председателя правления екатеринбургской городской общественной организации «Национально-культурная автономия российских корейцев».

— *Валерий Дмитриевич, расскажите, пожалуйста, об истории Вашей семьи, о том, как она пережила депортацию, Великую Отечественную войну, другие события советской истории.*

— Мои родители были простыми крестьянами, жили они в Приморском крае.. Мама Анна Ким родилась 23 ноября 1914 г. в Северной Корее, а отец Ден (Чен) Хим Тхай родился в 1904 г. в одной из провинций Китая, где жили корейцы. В 1937 г. они подверглись депортации и были переселены в Средне-Черчикский район Ташкентской области Узбекской ССР. Там был создан небольшой колхоз, который часто переименовывали, в последнее время он назывался колхозом им. В. И. Ленина. Там родились мы, их дети. Я родился 12 ноября 1942 г. Тема депортации в нашей семье не поднималась, поскольку она была запретная. В приказе Совнаркома излагалась официальная версия добровольного переселения в целях безопасности на границе. Но, по сути, эта мера скрыто относилась корейцев к категории потенциальной «пятой колонны». Давали субсидии на переезд, но позже их нужно было возвращать государству. Отношение к депортации у всех было одно: старшее поколение сорвали с обжитых мест в Приморье. Мы принадлежали к следующему поколению, родившемуся уже в Средней Азии, поэтому все случившееся ранее и все, что окружало нас, воспринимали как должное.

Мама немного рассказывала, как они на первых порах поселились в овчарне. Позже появились фильмы о переселении, где показаны детали этого события. Но я не помню такого, чтобы кто-то подробно обсуждал депортацию или критически высказывался о ней. Моя старшая сестра (1935 г. р.) лично пережила переселе-

ние маленьким ребенком. Поколение, пережившее депортацию взрослыми людьми, сейчас уже ушло, а следующее поколение вспоминает, что в советское время в корейских колхозах под Ташкентом была относительно благополучная жизнь. По истечении времени тема депортации стала восприниматься иначе. Моя теща размышляла, где же было лучше? С одной стороны, ехали в неизвестное, но, с другой стороны, в колхозах в Узбекской ССР со временем стали жить лучше, зажиточнее, чем в Приморье. Молодое поколение об этом вообще мало знает.

Великая Отечественная война прошла мимо нас стороной, серьезно не коснулась. В 1945 г., когда мне было три года, мы жили не богато, но не голодали и от холода не мучились. Отец принадлежал к среднему звену, был зоотехником, потом стал заведующим скотоводческой фермой. Мама оставалась домохозяйкой до смерти отца в 1953 г. В армию корейцев как репрессированный народ не призывали. Некоторые корейцы, как оказалось в 1990-е гг., меняли свои фамилии, выдавали себя кто за якута, кто еще за кого-то, и уходили на фронт. Не так давно вышла книга о корейцах — участниках войны. Во время войны жили под строгим контролем государства, действовал запрет на перемещение. Чтобы куда-то ехать, нужно было получить разрешение милиции. Паспортов у колхозников не было. Людей, достигших 18 лет, призывали в трудовую армию. Мой старший брат работал в Коми ССР. В 1990-е гг. трудармейцев приравнивали к участникам Великой Отечественной войны, даже вручали им ордена Отечественной войны II степени.

В 1950–1951 гг., еще до смерти И. Сталина, корейцев начали призывать в армию. Наверное, не хватало мужского населения для призыва. День 5 марта 1953 г. я хорошо помню, поскольку мне уже было 11 лет. Когда объявили, что умер Сталин и вводится траур, все плакали. Мы побежали к школе. Это событие совпало со смертью моего отца, он до этого серьезно болел и лежал в больнице. Поэтому семье было трудно вдвойне. Мама не знала, как оценивать

советский строй, роль Сталина, запреты в отношении корейцев и роль XX съезда, ни в это время, ни позже.

Некоторые корейцы как-то обходили запреты и поступали в вузы начиная с 1948 г. Мой дядя, например, окончил вуз в 1953 г. Это были единичные случаи, конечно. Однако для этого нужны были и желание, и какие-то возможности, в том числе материальные. Но, безусловно, существовали запреты для корейцев поступать в вузы на конкретные специальности. Так, В. В. Ким (1932 г. р.) в 1949 г., закончив школу, поехал в Москву поступать в авиационный институт на факультет самолетостроения, пытался подать документы, но ему отказали под каким-то предлогом. Это, безусловно, последствия депортации корейцев, одно из которых — не допускать корейцев к тем сферам образования, науки, техники и производства, которые представляют собой государственную тайну или так или иначе связаны с ней. Тогда он поехал в Ленинград и поступил в государственный университет на философский факультет. На гуманитарные специальности корейцев принимали.

Также существовал запрет выдвигать корейцев на руководящие должности. Даже те, кто состояли в коммунистической партии, подверглись политическим репрессиям. Однако имелись и исключения: мамина старшая сестра тетя Роза занимала какую-то должность в системе ВКП(б) — КПСС, ее из партии в 1937 г. не исключили. Были и другие отдельные знакомые, сохранившие свои посты в партии.

— *Как корейцы восприняли разоблачения культа Сталина на XX съезде КПСС в 1956 г.?*

— Мне в то время было 14 лет. О докладе Хрущева было всенародно известно, шум был большой. К осуждению культа личности Сталина люди относились по-разному: одни понимали критику, другие сохраняли веру в политику и личность Сталина. Молодежь сейчас в основном и не знает о том, кто подписал постановление о депортации корейцев. Но думаю, что и в России раскулаченные и репрессированные люди или те, кто знали об этом, молчали, по-

этому и в настоящее время о репрессиях большинство населения имеет слабые представления.

— *Как проходили Ваши школьные годы?*

— В Узбекистане все дети школьного возраста работали как проклятые: весной — на прополке и борьбе с сорняками, на прореживании посевов, летом и осенью — на чеканке и других работах. Я со второго класса собирал хлопок. 15 сентября школа закрывалась, а 15 декабря снова открывалась — в это время дети собирали хлопок. Хлопок составляет национальную гордость, достояние Узбекистана. А дети по полгода не учились. Но недовольства этим не было, поскольку воспринимали это все как положенное. Из Москвы шли приказы: «Давай план!» — и правительство Узбекской ССР выпустило постановление о привлечении детей к сезонным работам.

В корейских колхозах, как правило, обучение в школах осуществлялось только до седьмого класса. С восьмого многие дети ходили в другие поселки, где работала средняя школа, десятилетка. Наш колхоз примыкал к такому поселку, и нас автоматически переводили в среднюю школу. Но затем и у нас в колхозе открыли новую среднюю школу, и нас определили туда. Причем дети колхозников были обязаны ходить только в эту школу. Председатель колхоза, самодур, заявил: «Если дети не пойдут в эту школу, родителей уволят!» Пришлось переходить и учиться в новой школе в своем колхозе. Она была открыта в 1958 г., но просуществовала всего пять лет, потом ее закрыли.

— *Случались ли какие-либо конфликты в отношениях корейцев с местным населением в Узбекистане?*

— Мы жили и работали в отдельных корейских колхозах. Узбеки и казахи в этих районах встречались, но составляли меньшинство, преобладали корейцы. Никаких конфликтов с узбеками или казахами у нас не было. Мы, дети, даже учились языкам друг у друга. У взрослых тоже не было никаких противоречий с представителями

других национальностей. В этом смысле можно сказать, что у нас был коммунизм, правда, в рамках одного колхоза.

— *Как Вы выбрали свою будущую профессию?*

— По окончании школы в 1959 г. нужно было решить, куда ехать и в какой вуз поступать. Сначала я мечтал поехать в Москву поступать в МФТИ. Тогда физика находилась на волне популярности. Но не смог поехать, поскольку нам задержали выдачу аттестатов из-за привлечения детей к срочным сезонным сельскохозяйственным работам. Аттестаты выдали лишь 10 июля. Почему не поехал в Москву? Потому что не смог купить билет на поезд. Тогда же трудно было с билетами в летний период! Стал дальше размышлять, что делать. Два человека постарше меня уже учились в Свердловске. Один из них приехал на каникулы и стал агитировать меня поступать в горный институт. В Узбекской ССР, как и в других союзных республиках, при поступлении в вузы приоритет давался представителям титульного этноса. 80 % мест выделялось для узбекской молодежи, а 20 % — остальным. Шансов было мало. Поэтому старшие советовали детям ехать учиться в Россию. Вот корейская молодежь и разъехалась. В российские вузы поступили три человека из 12 учеников нашего класса, те, кто хорошо учились. Остальные либо остались в Узбекистане, либо пошли в российские техникумы, двое выпускников по возрасту были призваны в армию. Причем одного одноклассника отправили служить на Сахалин, а другого — на Кубу.

Перед отъездом в Свердловск мама заколола свинью, продала мясо, дала мне 1 450 руб. старыми деньгами с собой и сказала: «Купи часы». Тогда ни у кого часов не было.

— *Поступление в вуз для всех является ярким воспоминанием. Расскажите об этом, пожалуйста.*

— Молодой человек из колхоза, я и не понимал, куда идти. Тогда считалось, что профессия инженера — высокое звание,

технические специальности были популярны! Ехал в горный институт на специальность «Разработка месторождений полезных ископаемых». Фактически это профессия шахтера. Но случайно уже в Свердловске я встретил знакомого парня из соседнего колхоза, он сагитировал меня пойти в УПИ — Уральский политехнический институт. Еще в поезде, шедшем на Урал, со мной ехали два парня из Казахстана, один хотел поступать в УПИ, другой — в техникум. Первый парень сказал: «Давай сначала подадим документы в УПИ». Я согласился, и мы поехали. Это было 14 июля. Вышли из транспорта на проспекте Ленина, видим огромное здание института. Оно произвело на меня сильное впечатление. Я — простой колхозник, а здание на горе солидное, фундаментальное, красивое! Пошли сдавать документы, а на входе и внутри здания — огромный поток абитуриентов. Муравейник! Мы растерялись...

В этот же день мы поехали в горный институт. Идем втроем по улицам Куйбышева и 8 Марта, а навстречу нам со стороны дендропарка идут двое корейцев. Они нас увидели, перешли на нашу сторону, и мы разговорились. Они спрашивают: «Вы где остановились?» А мы сразу с вокзала ходили по вузам. Я таскал с собой два чемодана: один, маленький, с одеждой, второй, большой, с учебниками. Они предложили нам переночевать у них. Пришли мы в горный институт, а там совсем другая картина, народу почти не было, чтобы сдавать документы. Видно, вуз не сильно котиrowался тогда. В приемной комиссии нам сказали, что сегодня документы сдавать уже поздно, но можно успеть пройти медосмотр. Его нужно было проходить два дня, поскольку это был полный осмотр по форме 286.

И тут вмешалась случайность, судьба! Пришли в общежитие на Большакова, оказалось, что медосмотр в этот день уже тоже невозможно пройти — время приема окончено. Нам сказали, чтобы мы приходили завтра. Тогда мы с ребятами, которых встретили у дендропарка, поехали на Вторчермет ночевать. Эти ребята учились

в техникуме и жили в общежитии. Вечером к ним заглянул Виталий Цой, это был парень из соседнего колхоза. Он не поступил в прошлом году и остался работать в Свердловске. Виталий нас убедил, что нужно идти только в УПИ. На следующий день 15 июля мы подали туда документы и узнали, что вступительные экзамены начинаются 1 августа. Предстояло сдать русский язык, иностранный язык, математику устно, математику письменно и физику устно. Оставалось 15 дней на подготовку. Нам дали места в общежитии механического факультета. Мы начали готовиться к экзаменам. Смотрю — все решают задачи по сборнику Антонова — Выготского, в котором содержались подробные описания решений. И я стал готовиться.

Начались экзамены. На мое счастье, русский язык я знал неплохо, сочинение написал на «хорошо». А в отношении иностранного языка такое правило было, в соответствии с которым лица, владеющие одним из восточных языков, освобождались от его сдачи. Я этот экзамен сначала не хотел сдавать, так как у меня в аттестате была запись об изучении корейского языка. Дело в том, что в нашей школе учительница по немецкому языку Валентина Васильевна Пак занималась с нами пару месяцев, но быстро ушла в декрет, и на этом закончилось изучение этого языка. Но в аттестате вывели среднюю оценку. Я решился и все же сдал немецкий язык на «отлично», хотя целых два года не изучал его. У меня была хорошая память, к тому же экзамен был несложным. Остальные экзамены по математике я успешно сдал и поступил на металлургический факультет УПИ на специальность «Металлургия благородных металлов». Хотел золото добывать, так как за Ташкентом есть месторождение полезных ископаемых. У всех первоначально была мысль после окончания вуза вернуться в родные места.

— *Почему после окончания института Вы решили остаться в Свердловской области?*

— Еще до окончания вуза по распоряжению Н. С. Хрущева нас направили на производство. Мы работали на заводе на ра-

бочих специальностях по сменам, а учились по вечерам четыре раза в неделю с 19.00 до 23.00. Так мы приобретали практический опыт. Декан уговорил меня остаться на Урале. После окончания института меня распределили на Ключевской завод ферросплавов, который находится в поселке Двуреченск Сысертского района Свердловской области. Там я отработал три года сначала помощником мастера, потом мастером и закончил начальником смены. Через три года пришел учиться в аспирантуру в Институт электрохимии в Уральский научный центр (УНЦ), сейчас это Уральское отделение Российской академии наук (РАН). Председателем президиума Уральского отделения РАН был академик С. В. Вонсовский, Герой социалистического труда. Директором Института электрохимии тогда был С. В. Карпачев, дважды лауреат Сталинской премии. После трех лет обучения в аспирантуре в мае 1971 г. я защитил кандидатскую диссертацию, потом год проработал.

— *Как относились к корейцам в России в советское время?*

— Встречали нас по знаниям. Еще родители советовали нам идти учиться в Россию, так как считали, что здесь так оценивают людей. Одеты были все одинаково бедно. Равноправие было. Я считал, что жил при коммунизме, никакой дискриминации я не встречал. Возможно, кто-то с ней сталкивался, но осознания того, что чьи-то права нарушаются, у нас не было. Я всегда хорошо учился и работал.

— *Как складывались Ваша дальнейшая жизнь и профессиональная карьера?*

— В 1963 г. я женился, в первое время жили раздельно, пока жена доучивалась в институте, потом объединились, появились дети. Затем мы переехали в Новокузнецк Кемеровской области, бывший Сталинск. Меня как кандидата наук пригласили работать в Сибирский металлургический институт Министерства высшего

и среднего специального образования СССР на должность доцента. Проректор института был душевным человеком, он помог мне оформить звание доцента и взял на должность доцента для того, чтобы обеспечить нормальную зарплату, поскольку у старших преподавателей зарплата была гораздо меньше. Через год меня в ВАК утвердили в звании доцента. Новокузнецк — это же город, к десятилетию которого В. Маяковский написал стихи: «Я знаю, город будет, я знаю, саду цвеств!»

Позже, в 1978 г., я стал заведующим кафедрой общей и аналитической химии. Процедура выборов на должность была демократичной, у меня уже был авторитет среди коллег, меня там сразу хорошо приняли. На кафедре у нас было 22 человека, в основном женский коллектив. В 1999 г. я защитил докторскую диссертацию по электрохимии. Это было исследование прикладного характера. Нужно было доказать, что научные результаты имеют не только теоретический характер, но и практическую значимость. Сначала, подготавливая работу, я собирал справочный материал, потом его обобщал. По ходу работы получил авторское свидетельство на изобретение «расплав для силицирования металлов», поскольку результаты диссертации нашли реальное практическое применение. Справки о внедрении результатов исследования на практике это подтверждали.

— *Как Вы воспринимали специальность и науку, которой посвятили жизнь? Чем была для Вас химия?*

— Химия для меня — не романтическое увлечение, а специальность, которая позволяет иметь хлеб насущный. Наука широкая, интересная, много разветвлений. Просто химиков не бывает. Сказать «химик» — все равно, что сказать «ученый». Направление в науке, которым я занимался, это электрохимия расплавленных сред, в том числе коррозия металлов. Это тема моей докторской диссертации. Мы осуществляли систематические исследования, которые позволили сделать выводы практического характера.

Для меня важна была не наука ради науки, а изучение определенного процесса для того, чтобы затем этот результат можно было использовать на практике, найти ему конкретное применение.

— *Когда Вы переехали в Екатеринбург?*

— В Новокузнецке я прожил 20 лет. Переезд в Екатеринбург состоялся по настоянию сына Станислава (1966 г. р.), который в 1988 г. закончил УПИ, год там проработал на бывшей моей кафедре. Но он оставил аспирантуру и ушел в бизнес. Сначала он занимался туристическим бизнесом, открыл фирму «Малахит». Это был период перестройки и распада СССР. Станислав какое-то время пробовал заниматься политикой вместе с друзьями по УПИ. Второй раз я женился в 1989 г., сын Виталий родился в 1990 г. Переехали в Екатеринбург мы в 2001 г. Работать я устроился на кафедру химии фармацевтического факультета медицинской академии, сначала на должность профессора. В 2006 г. я участвовал в создании новой кафедры, позже стал ее заведующим. Так что я много лет заведовал кафедрами — и в Новокузнецке, и здесь. Последние два года я просто профессор. В медицинском университете была образована новая кафедра фармации и химии путем объединения двух прежде разных кафедр. Состав кафедры обновился, стал более молодым.

— *Как Вы оцениваете последствия распада СССР?*

— Это плохое событие, массовое отношение к нему негативное, и мое тоже. Конечно, в поздние советские времена мы не вполне знали, что происходит в экономике или политике. Как бюджетники мы работали, нам выдавали зарплату. Накануне распада СССР мы отчасти видели, что в промышленности нет роста, что в экономике происходит большой крен в сторону военно-промышленного комплекса и не все в порядке. Взять Новокузнецкий металлургический комбинат (НМК): там стояло французское оборудование XVIII века. Гнали вал продукции, о ее качестве

не задумывались. Не зря потом ввели знак качества. Властные органы должны были заниматься обновлением оборудования, повышением качества продукции. Но рядовые работники не могли на это влиять.

— *А как распад СССР повлиял на межэтнические отношения?*

— Я могу что-то говорить, судя по ситуации в Узбекистане. Много изменилось после крушения СССР. У местного населения стали преобладать националистические настроения. По отношению к корейцам негативное отношение явно не проявлялось. Но о турках-месхетинцах можно точно сказать, что узбеки выживали их из своей страны. Серьезные гонения были и в отношении крымских татар. Их вынуждали за бесценок продавать дома. Не знаю, как было в других республиках. В Узбекистане в советское время жило много переселенцев после войны — чеченцы, ингуши. Я постоянно бываю в Узбекистане под Ташкентом и в самом Ташкенте, там живут мои родственники. Старшая сестра живет в поселке, где когда-то существовал наш родной колхоз. Там остались в основном пенсионеры. Но особых трудностей, связанных с тем, что они не принадлежат к титульной нации Узбекистана, они не испытывают. Люди другого поколения в возрасте 40–50 лет уже не удовлетворены порядками, установившимися там, они начали переезжать в Россию в 2000-е гг. В основе этого процесса лежат экономические причины — не выплачивали зарплату на ряде предприятий. Многие, в том числе и мои родные, окончили институты, работали, но потеряли работу из-за закрытия заводов.

Кадры в органы государственной власти набирают исключительно из узбеков. Во время СССР национальная политика была сходной. Много ли корейцев занимали посты министров? В правительстве федерального уровня не было. На уровне республик в Казахской и Узбекской ССР корейцы иногда занимали должности министров или их заместителей. Но это все единичные случаи. Наталья Георгиевна Ким в настоящее время является послом

Узбекистана в Республике Корея. Но представителей титульных национальностей в органах власти существенно больше. Конечно, мы и не можем претендовать на большое количество мест в органах власти, поскольку количество корейцев невелико.

— *Вы много лет активно занимаетесь общественной деятельностью, являясь заместителем председателя правления общественной организации «Национально-культурная автономия корейцев Екатеринбурга» (НКА). При этом Вы выступаете в роли не только организатора национальных праздников, воскресной школы для детей, но и поете, играете на барабанах, а иногда даже исполняете роль корейского Деда Мороза! Структура вашей общественной организации отражает структуру корейской диаспоры в нашем городе?*

— Состав правления НКА — юридическая сторона вопроса. Что касается структуры самой общественной организации НКА, то ее создают учредители. На демократической основе формируются руководящие органы, есть актив — люди, которые участвуют во всех мероприятиях и сферах деятельности организации, и есть пассивные члены организации, которые участвуют в некоторых мероприятиях время от времени. Членами НКА являются 300–400 человек (рис. 3). Но формального членства у нас нет. Это добровольное сообщество по интересам. Конечно, в Свердловской области и Екатеринбурге есть корейцы, которые вообще не ходят ни на какие мероприятия НКА. По последней переписи населения, корейцев в Свердловской области насчитывается около двух тысяч человек. В корейской диаспоре в Екатеринбурге есть индивидуальные предприниматели. Корейцы, работающие на Шарташском рынке, не объединяются в какую-то организацию. Есть и другие неорганизованные группы корейцев. НКА корейцев Свердловской области — это юридическое лицо, у нас есть устав, печать. Мы успешно взаимодействуем с органами власти региона и города. Я вхожу в Консультативный совет по делам национальностей Свердловской области.

3. Собрание членов национально-культурной автономии корейцев Екатеринбурга.

Фото В. Д. Тхая. 2018

* * *

Валерий Дмитриевич Тхай принадлежит к поколению детей депортированных корейцев, которые переехали в Россию в 1950–1960-е гг. в целях получения высшего образования. Его семья пережила несколько крупных переселений: первое — из Кореи и корейской провинции в Китае в Приморье еще во времена Российской империи, затем сталинскую депортацию из Приморья в Узбекскую ССР в 1937 г., потом он сам переехал в Свердловск (Екатеринбург), чтобы получить высшее образование в УПИ. На протяжении 20 лет В. Д. Тхай работал в Новокузнецке, потом вернулся в Екатеринбург. Его родственники, а также дети и внуки живут и в Узбекистане, и в ряде городов России, в том числе в Москве. Валерий Дмитриевич поддерживает теплые отношения со всеми родными, по возможности путешествует. Он переживал в жизни и утраты, и достижения, и успехи, обладает серьезным профессиональным и жизненным опытом. Важнейшим делом его жизни является сохранение национальных культурных обычаев и традиций корейцев, их этнической идентичности. Он охотно транслирует молодежи коллективный опыт советских и российских корейцев и собственный. В этом деле он всегда легок на подъем — делится воспоминаниями и опытом на национальных праздниках, отмечаемых НКА, делает доклады на российских и международных научных конференциях, поет корейские песни о нелегкой судьбе своего народа, сохраняя чувство юмора и оптимизм при обращении к будущему.